

Закатное солнце окрасило девичий виноград на западном флигеле в золотисто-красный цвет. Когда Му Тан вышел из здания, на экране телефона высветилось 16:17. Вечерний ветер, несущий жар уходящего лета, коснулся воротника, и от блокатора на шее всё ещё исходило едва уловимое тепло — словно отголосок того последнего взгляда Нань Тана, оставшегося на коже.

Чжоу Мин, семенивший следом, без умолку болтал:

— Ты видел лицо Линь Вэй? Будто её ледяной водой окатили, ты просто не видел —

Му Тан рассеянно хмыкнул, погружившись в свои мысли. Путь от концертного зала до общежития занимал не больше десяти минут, но в голове у него навязчиво крутились три буквы: А, Б, О.

Они преследовали его, словно проклятие, с того самого момента, как он очнулся в этом теле. Утром у озера Чжоу Мин сказал, что Нань Тан — топовый Альфа с запахом шампанского; в коридорах мимо проходили Омеги, источающие приторные ароматы персика и зеленого чая; от Линь Вэй, пропитанной запахом гардений, тоже исходила враждебность, присущая Омегам. Но он до сих пор не понимал, в чем заключается фундаментальная разница между ними.

Он вспомнил романы, которые читал до перемещения. У других героев всегда была система, золотой палец или, на худой конец, подробная инструкция к миру. А ему досталось лишь чужое общежитие и обрывочные воспоминания прежнего владельца тела, из-за чего он даже о своей принадлежности к Омегам узнал лишь тогда, когда у него случилась утечка феромонов.

— Черт, ну и невезение, ничего у меня нет, — пробормотал Му Тан, пнув камешек. Тот отлетел к обочине, спугнув двух воробьев, копошившихся в траве.

— Что ты сказал? — Чжоу Мин подошел ближе. — Плохо себя чувствуешь? Еще на лекции я заметил, что ты бледный. Может, срок действия блокатора истекает?

Му Тан вздрогнул, встретившись с обеспокоенным взглядом друга, и осознал, как сильно выдал себя своей задумчивостью.

— Нет, — уклончиво ответил он, — просто думаю о Третьем концерте Рахманинова, который разбирал учитель Нань Тан. Слишком сложно.

— Так это же нормально! — оживился Чжоу Мин. — Это же сам Рахманинов! Говорят, Горовиц после исполнения этого концерта вынужден был дышать кислородом за кулисами. Если ты вообще смог уловить суть — это уже успех. Но, честно, ты слышал, как сегодня учитель Нань Тан играл вторую тему? Эта работа с тембром — просто нечто.

Чжоу Мин принялся восторженно анализировать исполнение, а Му Тан, лишь изредка поддакивая, уставился на доску объявлений. Там висело расписание фортепианного отделения, а в углу — розовая листовка с заголовком: Правила получения подавителей для студентов-

Омег, ниже жирным шрифтом было начертано: О наступлении периода течки сообщать заранее, использование нерецептурных средств для успокоения феромонов в общественных местах запрещено.

Период течки? Му Тан нахмурился. В памяти прежнего владельца этот термин был окутан туманом, всплывали лишь смутные фрагменты: боль, необходимость в препаратах, но что именно происходит — он понятия не имел.

Вернувшись в комнату, он увидел, что закатное солнце косыми лучами прорезает пространство, ложась длинными полосами на пол. Место Чжоу Мина пустовало — они разошлись по дороге, и тот, вероятно, отправился занимать место в классе для репетиций. Му Тан бросил рюкзак на стул, тяжело опустился за стол и уставился на раскрытые ноты.

Перед ним лежал ноктюрн Шопена, исписанный мелким почерком прежнего хозяина, но смысл ускользал. Вопросы, словно прилив, захлестывали сознание: насколько сильна агрессия Альф? Что такое метка? Почему Беты могут ставить временную метку? Подавляет ли топовый Альфа сородичей так же, как лев гиен? Если течка у Омег раз в неделю, получается, большую часть жизни придется провести на таблетках?

— Что это вообще за бред такой?!

Раздражение росло. Он схватил бутылку воды и залпом выпил половину. Ледяная жидкость обожгла горло, но не остудила гнев. Почему? Почему у других перемещение проходит как по маслу, а ему приходится разгадывать правила этого мира, как шифровку? Если бы здесь была система, разве не должна была сейчас выскочить табличка: Текущая задача: понять основы АБО, награда: навык игры на фортепиано +10%?

— Черт возьми. — Му Тан смял пустую бутылку и швырнул в корзину. Звук сминаемого пластика оглушительно прозвучал в тишине комнаты.

В этот момент в замке щелкнул ключ, и вернулся Чжоу Мин с нотами в руках.

— Устал как собака, — он бросил ноты на стол и рухнул на стул. — Заглянул в класс, всё занято, народ места занимает, как будто территорию делит. Кстати, ты не идешь тренироваться?

Му Тан посмотрел на него, и в голове созрел план. Чжоу Мин — лучший друг, он точно знает всё об этих вещах. Вместо того чтобы гадать, лучше выведать всё у него.

Он нарочито вздохнул, изображая муки выбора:

— Какая тренировка, у меня в голове каша.

— Что не так? — Чжоу Мин приподнял бровь. — Опять Рахманинов? Тебе рано за него браться,

слишком трудно.

— Нет, — Му Тан покачал головой, машинально постукивая пальцами по столу, — просто... внезапно запутался, в чем вообще разница между Альфами, Бетами и Омегами.

Чжоу Мин вытаращил глаза, будто услышал нечто невероятное:

— Что ты сказал? Ты что, заболел? — он потянулся потрогать лоб друга. — Это же проходили на уроках физиологии еще в средней школе. Ты что, спросонья бредишь?

— Нет, — Му Тан увернулся от руки и невозмутимо продолжил врать, — просто вдруг показалось, что знания поверхностные, и теперь я совсем запутался. Смотри: учитель Нань Тан — Альфа, Линь Вэй — Омега, администратор в классе — Бета. Но, кроме запаха феромонов, кажется, будто между ними нет никакой разницы.

Чжоу Мин подозрительно прищурился:

— Что с тобой сегодня? Утром у озера головой ударился?

— Да нет же, — Му Тан понизил голос, изображая искренний интерес. — Подумай сам: все мы учимся музыке. Почему Альфы будто рождаются выше всех? Беты годятся только на административную работу? Омеги обязаны зависеть от подавителей? Тут явно есть какой-то подвох, я просто не могу понять.

Его слова были наполовину правдой: он действительно был озадачен правилами этого мира. Чжоу Мин, похоже, купился: он нахмурился, размышляя.

— Если так посмотреть, в твоих словах что-то есть... Но это не вопрос справедливости, это физиология.

Му Тан решил ковать железо, пока горячо:

— Ну так расскажи мне толком? Считаю, что повторяем пройденное. Мне кажется, если я не разберусь в этом, у меня даже с игрой на инструменте не пойдет.

Чжоу Мин усмехнулся:

— Ладно, убедил. Но, честно, если кто-то узнает, что тебе нужно повторять такие основы, решат, что ты с ума сошел.

У Му Тана екнуло сердце, но внешне он остался спокоен:

— Меньше слов, давай рассказывай.

Чжоу Мин прочистил горло, подбросил яблоко и начал:

— Начнем с Альф. Это прирожденные лидеры и защитники. Заметил, что старосты и дирижеры — почти всегда Альфы? В их феромонах есть агрессия. Особенно у топовых: стоит такому появиться, даже говорить ничего не надо — остальные Альфы чувствуют себя подавленными.

— Агрессия? В смысле, они дерутся? — уточнил Му Тан.

— Не совсем, — Чжоу Мин откусил яблоко. — Это скорее аура. Например, если два Альфы претендуют на один ресурс — место на конкурсе или, скажем, на Омегу — их феромоны сталкиваются, как у львов, делящих территорию. Тот, кто слабее, начинает паниковать, руки дрожат, вплоть до физической тошноты.

Му Тан вспомнил запах шампанского, когда Нань Тан прошел мимо него утром. Тогда он подумал, что это иллюзия, но теперь понял — это была сила феромонов Альфы.

— А топовые Альфы? — спросил он. — Неужели давление на сородичей настолько сильное?

— Запредельное, — кивнул Чжоу Мин. — У нас на кафедре был профессор, топовый Альфа, пахнувший бренди. Говорят, он поспорил с другим профессором-Альфой из-за программы, так тот прямо на месте оказался в медпункте с нарушением феромонного фона. Три дня отходил.

Му Тан поразился — это же живое оружие.

— А что насчет метки? — как бы невзначай спросил он, очерчивая круг на нотах.

Чжоу Мин слегка покраснел:

— Метка — это способ связи Альфы и Омеги. Феромоны Альфы оставляют в железах Омеги неизгладимый след. После этого Омега может принимать успокоение только от своего Альфы, других он будет отторгать. И метку может поставить только Альфа, наоборот — нет.

— А Беты? Ты сказал, они могут ставить временную метку?

— Ну, это исключение, — пояснил Чжоу Мин. — У Бет нет феромонов, но некоторые из них с особенной конституцией могут... ну, через физический контакт. Некоторые Альфы метят Бет, но это не навсегда, большинство Бет даже феромоны почти не чувствуют.

Му Тан кивнул:

— А у Альф есть слабые места? Не может же быть только преимущество.

— Период гона, — Чжоу Мин жевал яблоко. — Раз в месяц, соответствует течке Омег. В эти дни Альфы крайне нестабильны, феромоны становятся агрессивными, им нужно успокоение от Омеги или сильные подавители. Если не контролировать — можно натворить бед.

Он помолчал и добавил:

— И еще период вторичного распределения. Впервые это происходит в пятнадцать-шестнадцать лет. Но некоторые Альфы проходят вторую трансформацию около двадцати лет. Те, у кого успешно — становятся топовыми, а у кого нет... говорят, это повреждает железы, и феромоны слабеют.

Му Тан запоминал всё. Образ Альфы стал четким: сильный, агрессивный, властный, но зависимый от гона и риска неудачной трансформации.

— А Омеги? — он перевел тему на себя, стараясь звучать непринужденно. — Ты сказал: производители?

Чжоу Мин стал серьезнее:

— Да, физиология такова, что Омеги лучше подходят для деторождения. Но не думай, что это унижительно. Топовые Омеги — на вес золота.

— В каком смысле?

— Феромоны, — Чжоу Мин жестикулировал. — Обычные Омеги пахнут сладостями — персиком, клубникой, сливками. Это приятно, но ничего особенного. А у топовых Омег аромат уникален и обладает успокаивающим действием на Альф. Например... — он понизил голос, — говорят, твоя мама была топовым Омегой с запахом лимона. Сколько Альф за ней бегало!

У Му Тана екнуло сердце. Образ матери в памяти был размытым, он помнил лишь, что она была очень нежной.

— А я? — выпалил он и тут же осекся. — Я в том смысле, что мой запах — белая роза. Это считается топовым?

— Твоя роза с росой — штука редкая, — Чжоу Мин причмокнул, — но пока рано говорить. Статус топового Омеги определяется после совершеннолетия и второй трансформации. Ты же недавно прошел через это, разве не знаешь?

Он сменил тон:

— Впрочем, с Омегами хлопот больше. Течка раз в неделю, длится дня три. Без подавителей феромоны выходят из-под контроля, привлекая Альф, да и самому Омеге очень плохо. И еще Омеги не могут никого метить. В отношениях они обычно ведомые.

Му Тан нахмурился:

— Так пассивно?

— Не совсем, — Чжоу Мин пожал плечами. — Феромоны топового Омеги могут успокоить вышедшего из-под контроля Альфу, это своего рода баланс. На школьном фестивале один Альфа так разволновался во время игры, что его феромоны почти вышли из-под контроля. Мимо проходил топовый Омега, просто постоял у двери, даже не говоря ни слова, и Альфа сразу пришел в норму.

Он посмотрел на Му Тана:

— Но, честно говоря, Омеги более зависимы. Особенно во время течки. Если рядом нет Альфы или подавителей — это опасно. Поэтому в школе и требуют носить подаватели с собой.

Му Тан вспомнил, как утром едва не допустил утечку феромонов, и по спине пробежал холодок. Раз в неделю — это слишком часто, настоящий таймер бомбы.

— А Беты? — напоследок спросил он. — Ты сказал, обычные люди?

— Да, самые обычные и безопасные, — Чжоу Мин развел руками. — Ни феромонов, ни течки, ни гона. Их никто не подавляет, и они никого не подавляют. Вторичная трансформация их не касается. Большинство Бет не чувствуют тонких различий в феромонах и живут спокойно.

Он улыбнулся:

— На самом деле, быть Бетой неплохо. Занимаешься музыкой и не паришься. Дядя Чжан, наш администратор, — Бета. Вечно довольный, знает все сплетни и ни с кем не конфликтует.

Му Тан замолчал. Беты звучат как обычные люди этого мира. Без силы и рисков Альф, без особенностей и ограничений Омег. Но, с другой стороны, если нет феромонов, чувствуют ли они запах шампанского Нань Тана? Слышат ли эмоции, скрытые в запахе?

Он вспомнил, как на уроке, во время кульминации Третьего концерта, аромат шампанского стал густым, обжигающим, словно лопающиеся пузырьки в воздухе. Вспомнил, как Нань Тан говорил о восприятии боли, и запах почти исчез. Вспомнил последний взгляд с улыбкой, где в шампанском смешалось тепло, от которого зачесалась шея.

Если бы он был Бетой, он бы всё это пропустил.

— Эй, ты чего застыл? — Чжоу Мин толкнул его локтем. — Дослушал? Как ощущения, стало понятнее?

Му Тан пришел в себя и кивнул:

— Да, гораздо яснее. Спасибо.

— Не за что, — Чжоу Мин махнул рукой. — Но ты будь осторожнее, не забивай голову ерундой.

Ты — молодой господин семьи Му, редкий Омега с запахом роз, просто занимайся музыкой.

Му Тан ничего не ответил, сделал глоток воды из стакана. Вода уже остыла, но внутри что-то медленно нагревалось.

Возможно, у него нет системы или золотого пальца, но есть железы, способные четко воспринимать феромоны, чувствовать настроение Нань Тана и находить резонанс в мелодии Рахманинова. Это тело, этот странный мир АБО — кажется, всё не так уж плохо.

За окном вечерняя заря окончательно погасла, в коридоре общежития слышались голоса студентов. Му Тан посмотрел на ноктюрн Шопена и внезапно почувствовал желание играть.

Он встал, схватил ноты:

— Я в класс.

— Эй, подожди меня! — Чжоу Мин вскочил следом. — Иду с тобой, может, удастся занять место.

Они вышли из общежития, вечерний ветер принес сладкий аромат османтуса. Му Тан коснулся блокактора на шее, холод металла успокоил его.

Может, он еще не до конца понял этот мир, но по крайней мере теперь он знает, что он Омега, знает о гоне Альф и обычности Бет. А главное — он знает, что феромоны Нань Тана пахнут шампанским, а не пихтой, как говорил Чжоу Мин.

Этот секрет был подобен ноте, спрятанной в футляре, и он ждал своего часа, чтобы прозвучать.

У входа в здание с классами Му Тан остановился и оглянулся на западный флигель. В ночи здание, увитое плющом, стало лишь смутным силуэтом, но ему показалось, что он всё еще чувствует едва уловимый запах шампанского — свежий, с легкой горчинкой пузырьков, как последний звук, оставленный пальцами Нань Тана на клавишах.

— Иди, чего застыл? — поторопил его Чжоу Мин.

— Иду, — отозвался Му Тан и ускорил шаг.

Лунный свет упал на стекла фортепианных классов, отражая две молодые фигуры. Му Тан толкнул дверь, в лицо ударил древесный аромат старого пианино. Он сел, открыл крышку, и пальцы легли на знакомые клавиши.

Никаких системных уведомлений, никаких бонусов — только черные и белые клавиши под

пальцами и мысль, становящаяся всё яснее.

Даже если ноты звучат не в такт, если найти правильный ритм, можно сыграть свою собственную мелодию.

Он глубоко вдохнул, пальцы опустились, и зазвучала первая нота ноктюрна Шопена. Нежная мелодия полилась по классу, смешиваясь с вечерним ветром за окном и запахом роз с каплями росы, который он сам даже не замечал.

<http://bllate.org/book/18827/1832492>